

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Российского этнографического музея

Грусман В.М.

«10» октября 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущего учреждения на диссертацию С.Б. Егорова «Традиционная культура южных вепсов», представленной к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнологи, антропология.

Цель работы дать комплексную характеристику традиционной культуры южных вепсов, небольшой по численности и постоянно сокращающейся локальной группы (по оценке автора диссертации она составляет в настоящее время не более 400 чел.), населяющей центральную часть современного Радогощинского сельского поселения Бокситогорского р-на Ленинградской обл. и представляющей по сравнению еще с 1980-ми гг. заметно уменьшившийся локус, изолированный от других вепских сообществ.

Актуальность подобного изучения вызвана, по справедливым замечаниям С.Б. Егорова рядом обстоятельств: в первую очередь отсутствием монографических исследований отдельных разрозненных географически групп вепсов, с позиции изучения локальных групп. Другое немаловажное обстоятельство – критическое состояние южновепского этносоциума: «в настоящее время культура этой локальной группы подвергается существенной трансформации, ставящей под угрозу само ее существование» (Дис. С. 8).

Начиная с 1970-х гг. проблематизация категорий локальности получила серьезные обоснования во многих обобщающих исследованиях отечественных и зарубежных ученых – не только этнографов, но и представителей всех смежных гуманитарных дисциплин. Историографический анализ локальной проблематики, предпринятый С.Б. Егоровым во вводной части диссертации, свидетельствует о собственном взгляде на причины и факторы формирования различных типов такого рода сообществ на Северо-Западе Европейской России. Исходя из общепринятого тезиса, что их сложение в данном регионе связано с разнонаправленными этапами длительного этнокультурного взаимодействия прибалтийско-финского, балтского и славянского населения, диссертант считает определяющим значение природно-географических факторов. Он обращает внимание на тот факт, что многие из выявленных и обстоятельно изученных групп, концентрировались

вокруг озер, что нашло прямое отражение в их самоназваниях: заонежане, водлозеры, кокшозеры, озера и др. (Дис. С. 7–8).

Нельзя не согласиться с одним из главных положений автора о том, что исследования таких сообществ «дают возможность понять процессы адаптации этнических коллективов к конкретным природно-географическим и социально-историческим условиям, проследить возникновение и закрепление региональных вариантов традиционной культуры, пути и характер внутри- и межэтнического взаимодействия», выявить «специфику и общие черты в культуре этноса, <...> ключевые моменты этногенеза и этнической истории народа» (Дис. С. 1).

Анализ предшествующего междисциплинарного дискурса по локальной проблематике и этнической истории вепсов позволил С.Б. Егорову при изучении южных вепсов остановиться на понятии «этнолокальная группа». Основанием тому, по мнению автора, является реальное территориальное обособление, собственный хозяйственно-культурный комплекс и тип жизнедеятельности, особенности обрядово-ритуальных практик, преобладание внутренних связей, преимущественная эндогамия и малочисленность. «Практически эта такая общность, – как пишет диссертант, где каждый знает другого, либо имеет о нём какую-то информацию» (Дис. С. 7).

Таким образом, предметом исследования избраны 1) история и процессы формирования южновепсской этнолокальной группы и 2) ее традиционная культура, рассматриваемая как результат развития в определенной природно-географической среде и в условиях длительного взаимодействия с соседними группами русского и вепского населения. Этому подчинены и 4 основные задачи, последовательно решаемые в соответствующих главах диссертации с помощью дескриптивного и сравнительно-исторического методов изучения.

Для изложения ранней истории вепсов, формирования ее отдельных групп и прежде всего южных вепсов, определения этнической территории локальной группы и анализа демографических процессов в XIX–XX вв. автор использует достаточно объемный корпус исторической, археологической и лингвистической литературы, опубликованные и архивные, в том числе статистические данные. Автор подчеркивает, что впервые выделение южных вепсов было осуществлено финскими и российскими лингвистами и лишь в первой трети — середине XX в. подтверждено накоплением этнографических и фольклорных сведений, отражающих этнокультурное своеобразие данной группы.

С.Б. подробно анализирует административные, социальные и географические факторы сложения южновепсской общности и приходит к выводу о позднем ее

формировании в условиях средневековой погостной структуры XV в. (Койгушский и Пелушский погосты Обонежской пятины), гнездового типа расселения и географической, соответственно экономической и культурной изолированности прежде всего от соседних ареалов ранее ассимилированных вепсских групп бассейна верхней Суды, междуречья Лиди и Тихвинки, а также корвальских и средних вепсов. Именно совокупность этих обстоятельств способствовала возникновению определенных особенностей в языке и традиционной культуре, их архаизации, которые и выделяли южных вепсов из окружающего родственного населения.

Активизация вепско-русского межэтнического взаимодействия, начавшаяся еще на рубеже XIX – XX вв., справедливо отнесена С.Б. Егоровым к 1920-1930-м гг. Подробно описаны и проанализированы последствия внедрявшихся в советское время системы школьного образования, средств массовой информации, вовлечения трудоспособного населения в новые виды производственной и общественной деятельности, переселения завербованных рабочих лесозаготовителей из различных районов СССР. Итогом стали и обусловленные этим активное овладение русским языком, постепенный переход к билингвизму «с тенденцией к полной языковой ассимиляции», характерной с 1960-70-х гг., изменению этнического самосознания.

Вполне убедительны наблюдения и выводы о первостепенной значимости эндогамии для сохранения южновепского социума, как и прослеженные межэтнические браки в зоне современного вепско-русского пограничья, свидетельствующие о прежней более обширной собственно южновепской территории и о направлениях ассимиляционных процессов. В совокупности с топонимическими данными эта территория южновепского анклава отчетливо очерчивается автором исследования.

Характеристика и подробное описание хозяйства южных вепсов, данное в исследовании в сопоставление с общевепским и соседним русским, осуществлены С.Б. Егоровым, в основном на оригинальном полевом материале. При отсутствии других источников сведения собранные, начиная с конца 1980-х гг. в ходе многих экспедиций С.Б. Егорова, позволили выполнить скрупулезное и развернутое, по сути – первое в отечественной вепсологии описание традиционно-бытовой культуры локальной группы. Отметим, что в последние десятилетия работ, в которых предприняты достоверные и обстоятельные обзоры этнических традиций того или иного этнического сообщества и комплексный анализ культурных фактов не так уж много.

Степень устойчивости тех или иных компонентов культуры выявляется при описании системы земледелия, лесного животноводства, рыболовства, охоты, деревообрабатывающих занятий, лесозаготовительного промысла, таких носивших

исключительно местный характер сельских мужских ремесел как кузнечество, кожевенное дело и изготовление набойных тканей. В числе женских занятий обозначены обработка льна и шерсти, ткачество, вышивка и кружевоплетение.

Автором выполнен тщательный анализ приемов этих занятий, производственного и промыслового инструментария, их терминологии, что позволило обнаружить южновепскую специфику. Она заключается в бóльшей по сравнению с другими группами вепского населения устойчивости и сохранности комплекса жизнеобеспечивающих занятий, ряда архаических способов и приемов их ведения, а также инструментальной культуры, обозначающих общее прибалтийско-финское наследие. Особенно убедительно анализ конкретных черт сходства и различия в каждом из описываемых видов хозяйственной деятельности между южными и другими группами вепсов и соседнего русского населения осуществлен на примере подсечного земледелия, животноводства, лесозаготовительных промыслов и транспортных средств.

Столь же подробное описание традиционных типов поселений и расселения, жилых и хозяйственных построек, строительной техники, внешнего декора и внутренней планировки приводит автора к выводу о близости южновепской и средневепской традиций.

Отчасти можно согласиться с утверждением С.Б. Егорова об отсутствии ярко выраженной специфики народного костюма в изучаемый поздний период. Однако такой вывод можно считать предварительным, так как терминология отдельных компонентов костюма и орнамента, анализ кроя, обрядово-ритуального использования приводит к мысли о необходимости сопоставления с историей костюмного комплекса не только вепсов, но и других прибалтийско-финских народов. В целом же изучение народной вепской одежды – специальная тема будущих исследований.

Из содержания этой главы диссертации очевидна различная степень проницаемости компонентов и форм этнокультурной традиции под влиянием различных инновационных и модернизационных процессов.

В главе «Духовная культура южных вепсов» систематизированы и введены в научный оборот материалы по семье и семейной обрядности, традиционным представлениям и верованиям, праздникам и календарным обрядам южновепского населения. Сложность их интерпретации заключается в разновременности и разнородности таких источников как полевые материалы, архивные документы, ранее изданные публикации и современные исследования, а также лингвистические данные.

Важным представляется вывод С.Б. Егорова о том, что наибольшую значимость в формировании локальной общности южных вепсов приобрели те праздники, которые

отмечались в центре их религиозной, культурной, а до XIX в. и административной жизни — на Пелушском погосте.

Оценивая диссертационное исследование С.Б. Егорова в целом, отметим, что оно свидетельствует о новом направлении в области вепских этнографических изысканий.

Упорядоченное изложение в тексте диссертации подробной и добросовестно выполненной фиксации полевой информации выполняет важную задачу в деле сохранения культурного наследия вепсов.

Вместе с тем, позиция автора к исследуемому явлению — локальные группы вепсов, как и любая другая индивидуальная позиция, имеет явные познавательные и аналитические ограничения. В связи с этим изложим ряд замечаний и вопросов, которые не умаляют заслуг автора, но уточняют проблемное поле и выявляют направления будущих исследований.

Думается, что использованные автором лингвистические и по преимуществу топонимические сведения, безусловно, значимые при изучении локального сообщества нельзя впрямую использовать в подтверждение тех или иных выводов, сделанных на источниках другого рода, в том числе поздних этнографических. Складывается впечатление, что на защиту выносится главное положение: поиск доказательств, подтверждающих на основе традиционной культуры южных вепсов принадлежность к статусу локальной группы. Основанием для такого вывода остается главный отличительный признак — сохранение по сравнению с другими локальными сообществами этого народа, наиболее полного пласта архаики, который следовало бы обозначить как базовую оппозицию их культуры. Наряду с другими объективными, т.е. наблюдаемыми исследователем со стороны факторами выделения группы, автор в качестве субъективных обозначил в Заключение своей работы лишь язык. При этом приведенные современные самооценки родного языка и этнической идентичности не являются чем-то эксклюзивным для южных вепсов, а свидетельствуют, скорее всего, о, своего рода, пульсирующем уровне языкового и этнического самосознания на стадии изживания. Хотелось бы узнать существовали или существуют иные субъективные признаки этнолокальной самоидентификации исчезающей этнолокальной группы?

Продолжение работы следует связать с расширением круга используемой научной литературы по проблематике локальных групп, что позволит углубить методическую сторону исследования в широком историческом и этнокультурном контексте. В последние десятилетия написано довольно много работ (диссертации, монографии, статьи) как по финно-угорским, так и русским локальным группам Европейской России (Е.С. Данилко, Т.А. Дронова, В.В. Власова и др.), которые судя по тексту диссертации и списку

литературы, не использованы автором диссертации. Остается вопросом, почему при написании квалификационной работы С.Б. Егоров не счел уместным сослаться и на понимание локального сообщества и задач его изучения Р. Барта, используемое современными исследователями при отсутствии иных методологических и методических оснований.

На наш взгляд не в полной мере использованы важные, а зачастую и единственные источники для описания и реконструкции хозяйственной деятельности и предметного мира южных вепсов – этнографические памятники, хранящиеся в основных этнографических музеях страны (Российский этнографический музей, Музей «Кижь», Национальный музей Карелии и др.).

Полученные автором результаты достоверны и базируются на широком фактологическом материале, заключительные выводы диссертации обоснованы (Автореф. С. 29-31). Результаты исследования прошли основательную апробацию во множестве работ, опубликованных в России и за рубежом. Не вызывает сомнений безусловная практическая и прикладная значимость работы С.Б. Егорова, преподавателя кафедры этнографии и антропологии Института истории СПбГУ, участника ряда проектов, в том числе «Динамика этнических и этносоциальных процессов и современная этнокультурная ситуация в Северо-Западном регионе Европейской России» в рамках федеральной целевой программы «Интеграция».

Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

В целом, диссертацию С.Б. Егорова «Традиционная культура южных вепсов», следует считать соответствующей требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а автора данной работы, заслуживающим присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Отзыв составлен зав. отделом этнографии Северо-Запада и Прибалтики РЭМ, д.и.н. О.М. Фишман и утвержден на заседании отдела (протокол заседания от 10.10. 2014 г.)

Фишман
Подпись руки Фишман О.М. удостоверяю
Авдеева К.С.